

RU

Представления о рыбах в традиционной культуре лесных юкагиров (по материалам языка, этнографии и фольклора)

Прокопьева П. Е.

Аннотация. Целью исследования является описание традиционных представлений лесных юкагиров о рыбах по материалам языка, этнографии и фольклора. Научная новизна состоит в систематизации этих данных, введении в научный оборот новых сведений по этнографии и фольклору юкагиров. В результате исследования показано, что языковые и этнографические материалы по лесным юкагирам указывают на большое значение рыболовства в их жизнедеятельности. В несказочной и сказочной прозе юкагиров, связанной с ихтиофауной, обнаруживаются мифологические представления, сопряженные с темой рождения, объясняются причины приобретения рыбами тех или иных особенностей, дается фольклорно-мифологическая характеристика отдельным рыбам; в малых жанрах фольклора содержится указание на образы рыб в сказках, сравнение на основе внешнего признака; в песенном фольклоре, отражающем мировидение и уклад жизни рыболовов, рыбы являются маркером родовых территорий, символом природного изобилия.

EN

Ideas about Fish in the Traditional Culture of the Forest Yukaghir (by the Materials of Language, Ethnography and Folklore)

Prokopenva P. E.

Abstract. The study aims to describe the traditional ideas of the Forest Yukaghir about fish based on the materials of language, ethnography and folklore. Scientific novelty lies in the systematisation of these data, introduction of new information on the ethnography and folklore of the Yukaghir into scientific use. As a result of the study, it has been shown that linguistic and ethnographic materials on the Forest Yukaghir indicate the great importance of fishing in their life. In the non-fairytale and fairytale prose of the Yukaghir related to the ichthyofauna, mythological representations associated with the theme of birth are found, the reasons for the acquisition of certain features by fish are explained, folklore and mythological characteristics of individual fish are given; in small genres of folklore, there is an indication of the images of fish in fairy tales, a comparison based on an external feature; in song folklore reflecting the worldview and way of life of fishermen, fish are a marker of ancestral territories, a symbol of natural abundance.

Введение

Основу хозяйственной деятельности лесных юкагиров – этнолингвистической группы юкагиров, проживающей на Верхней Колыме (самоназвание – *одул*), искони составляют охота и рыболовство. В традиционной картине мира лесных юкагиров окружающий живой мир занимает одно из центральных мест. Воззрения верхнеколымских юкагиров на различных животных (заяц, утка, гагара, кукушка, сова, ворон и др.), культ крупных животных тайги (медведь, лось / дикий олень) в той или иной степени становились предметом внимания ученых-юкагироведов (Иохельсон, 2005b; Жукова, 1996; 2012; Прокопьева, 2009a; 2009b; 2018). Однако представления о рыбах в традиционном мировоззрении одулов, в том числе в его фольклорно-мифологической части, еще не были систематизированы и изучены в совокупности. Необходимость реконструкции компонента картины мира лесных юкагиров, связанной с ихтиофауной, обуславливает актуальность темы нашего исследования.

В соответствии с целью исследования поставлены следующие задачи: рассмотреть этнографические и языковые данные о воззрениях лесных юкагиров, связанных с ихтиофауной; проанализировать образы, функции и символику рыб в юкагирском фольклоре.

Основными методами исследования явились системный и описательный.

Теоретической базой послужили работы отечественных исследователей, где рассматривается место рыб в традиционном мировоззрении разных народов и, в частности, юкагиров (Гура, 1997; Иохельсон, 2005b; Соколова, 1972; Туголуков, 1979; Спиридонов, 1996).

Источниковой базой послужили труды, включающие фольклор лесных юкагиров (Жукова, Прокопьева, 1991; Иохельсон, 2005а; 2005b; Прокопьева, 2009а; 2018; Спиридонов, 1996; Фольклор юкагиров..., 1989), неопубликованные языковые и фольклорные полевые материалы автора статьи.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при изучении традиционной культуры юкагиров, составлении различных учебных курсов по юкагирской этнографии и фольклору.

Основная часть

Огромное хозяйственное значение, которое имели животные и, в частности, рыбы для лесных юкагиров, потомственных охотников и рыболовов, нашло отражение в разных аспектах их этнической культуры.

Одной из базисных частей традиционной картины мира является язык. В контексте темы нашего исследования представляет интерес лексика, номинирующая родовые образования. Известно, что дефиниции верхнеколымских юкагирских родов были связаны с названиями животных и, возможно, имели тотемистическую природу: *Чолбород-омок* 'Заячий род', *Анид-омок* 'Рыбий род'. Исследователь юкагирской культуры к. XIX – нач. XX в. В. И. Иохельсон (2005а) писал: «Заяц и рыба, вероятно, были тотемами Ясачных и Поповских юкагиров» (с. 136). Позже он подверг свои слова сомнению: «Если бы у современных юкагиров совершенно не отсутствовали тотемистические представления, то можно было бы предположить, что названия некоторых юкагирских родов связаны с тотемным культом» (Иохельсон, 2005b, с. 176). Однако если насчет существования тотема Рыбы действительно нет никаких определенных доказательств, то в фольклорном образе Зайца наблюдаются рудиментарные характеристики не только тотемного предка, но и культурного героя-трикстера. В повествованиях обозначаются зооантропоморфная сущность Зайца (ведет себя и воспринимается людьми как человек), его родственные связи с людьми (человеческий сын или воспитанник), брачные отношения с ними, охранительные функции героя (борется с гигантским людоедом Сказочным Стариком, олицетворяющим хаос) и др. (Прокопьева, 2009а, с. 67). Надо заметить, что Заяц является зооморфной ипостасью героя финно-угорских народов (юкагирский язык, по мнению многих лингвистов, обнаруживает генетические связи с уральскими языками) – Эква-Пырища, мыслимого как первопредок и культурный герой (Мелетинский, 1979, с. 180-181), а рыбы, в частности щука и налим, наряду с другими животными считались первопредками у отдельных групп хантов и манси, и «некоторые группы не могли разделять отдельные виды рыбы» (Соколова, 1972, с. 36).

В номинациях юкагирских родов также отмечена важность водного пространства в жизнедеятельности юкагиров. Посредством названий рек и слов, указывающих на расположение групп по рекам, образовывались их наименования по территориальному признаку: *Чахадэндьши* 'люди с реки Чахадэн (юкагирское название р. Ясачной)', *Хорходондъши* 'люди с реки Коркодон', *лэлэдъши* 'люди, которые живут вниз по реке', *пудэгэльдъши* 'люди, которые живут вверх по реке'.

Лексика языка лесных юкагиров отображает нюансы традиционного уклада жизни рыболовов, характеризуя особенности водных объектов, передвижение по ним, выделяя отличительные признаки рыб, способы их ловли. Например, верховья реки обозначаются такими разными словами, как *йамул* 'верховья реки, исток', *унун мишбэ* 'исток реки', *чандэ* 'в верховьях', *пудулангдэт* 'с верховий', *пудэлыэн* 'вверху, в верховьях'. Нельма *чамани* названа так из-за больших размеров (от *чомоо* - 'быть большим'), хариус *угурчиэ* получил свое имя из-за выраженного спинного плавника (от *узур* 'хребет'), чебак *амундъаа* – из-за обилия костей (от *амун* 'кость') и т.д. Для ловли рыбы юкагиры использовали *ого* ~ *узэ* 'заездок' (от *офоо* - 'стоять'), *тоттии* (рыболовная снасть, похожая на морду; возможно, от *тотто* - 'приклеить; прилепить; прикрепить'), *пабул* 'невод' (может, связано с *падиэ* - 'опустить, погрузить') и др.

Почитание рыб, особенное отношение к ним выразились в различных обрядах и ритуалах. В. А. Туголуков (1979) в своей книге «Кто вы, юкагиры?» писал о находке верхнеколымскими юкагирами старинного захоронения, в котором были копье и деревянная рыбка-приманка – «два выразительных символа, указывающих на то, что наряду с охотой важнейшим занятием юкагиров издревле являлось рыболовство» (с. 65-66). Юкагирский ученый Н. И. Спиридонов (1996, с. 52) в 1930 г. сообщал, что при летнем захоронении около умершего оставляли импровизированную лодочку, вязку ивовых прутьев в качестве невода, деревянные крючья и камешек-грузило.

Рыба, входящая в основной рацион питания лесных юкагиров, воспринималась как дар людям от благодетельных хозяев и духов природы. Юкагиры объясняли В. И. Иохельсону (2005b, с. 211) появление большого количества рыбы в озерах тем, что она упала с неба, Небо же почитали как одно из благожелательных божеств. С рыбной ловлей были связаны осенние родовые празднества, во время которых танцевали и пели в знак радости и благодарности духам воды и рыбы (Спиридонов, 1996, с. 43). В настоящем юкагиры, как и в старину, обращаются к реке, называя ее *Оожид эмэй* 'Вода-мать', с просьбой подать еду, то есть рыбу.

В сфере рыболовства существовала экологическая этика, предполагающая восстановление популяций рыб, запрещающая добывать сверх необходимого. Так, во время массового лова рыбы всегда отпускали часть для воспроизводства (Иохельсон, 2005b, с. 219). К представлениям о необходимости баланса между природным и человеческим мирами восходит бытовавший в прошлом обычай возврата реке части рыбы, в частности осетра, которого очень почитали: поймав его, отрезали хвост и бросали в воду (Туголуков, 1979, с. 111). В современной быличке медведь, который, по верованиям, является зооморфной ипостасью Хозяина Земли – *Лэбиэн Погиль*, тяжело ранит старика, не успевавшего обрабатывать свой большой улов и выбрасывавшего рыбу (Жукова, Прокопьева, 1991, текст № 24).

Рыбы задействованы в ряде сюжетов несказочного и сказочного фольклора лесных юкагигов.

В одном из мифологических рассказов с рыбами связано появление детей. Один старичок обращается к шаманам с просьбой помочь бездетным парам обрести детей. Большой шаман во сне приманивает души малышей с помощью рыбьих голов, предлагая им их поесть, тех привлекают рыбы глаза, и они едят их, после этого у людей появляются дети (ПМА – полевые материалы автора. Записано в 2003 г. от А. В. Слепцовой, 1930 г.р., в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия)). Ассоциирование рыб с душами неродившихся детей у юкагигов аналогично воззрениям славянских народов, у которых рыбы также соотносились с душами еще не появившихся на свет детей. Немота рыбы как маркер, отличающий ее от других животных, определила толкование ее у славян как символа смерти, так и рождения (Гура, 1997, с. 746-747).

На интерпретацию рыбы как символа новой жизни в рассматриваемом рассказе указывает и такая деталь, как глаза. В верованиях древних охотников глаза отождествлялись с жизненной силой, и северные добытчики, следуя обычаю, предавали глаза убитого зверя Земле, предупреждая тем самым негативные для людей последствия (Симченко, 1976, с. 239-253). В юкагирской культуре женщинам запрещалось смотреть в глаза убитых диких оленей и лосей и, более того, даже их на головы (Юкагиры..., 1975, с. 50, 53), видимо, в силу того, что охота всегда являлась уделом мужчин и необходимо было не допускать профанное поведение со стороны непосвященных. В одном из преданий (Иохельсон, 2005а, текст № 32) рассказывается, как в древности юкагиры не могли добыть лосей после того, как одна девушка нарушила сразу несколько охотничьих запретов: будучи незамужней женщиной, тайком пошла к добытому лосю, смотрела в глаза животному и думала о его страданиях. У юкагигов не принято было открыто говорить о причине смерти животного, добытого на промысле, и факте добычи: они представляли смерть животного как несчастный случай, а не преднамеренное убийство и вербально маскировали процесс и результаты охоты (Иохельсон, 2005b, с. 215-216). Очевидно, глаза рыб, как и крупных промысловых животных, также связывались с жизненной энергией. Интересно, что в прошлом при разделе головы осетра между членами семьи кусочек мяса рыбы вместе с глазом давали «главному» – лучшему рыбаку и охотнику» (Туголуков, 1979, с. 111). Возможно, обычай был обусловлен не только необходимостью выражать уважение к первому промысловому, но и верой в восполнение таким образом его жизненных ресурсов.

В мифологии лесных юкагигов рыба, а именно ленок, участвует в цепочке перерождения человеческой души в живого человека: душа-тень человека, став соломиной, преодолевает путь с Нижней земли на Среднюю, побывав в чреве разных животных – мыши, ленка, скопы. Согласно рассказу, скопа поедает ленка и из него выпадает проглоченная им мышь, которая до того съела соломину-душу. Сова ловит и ест эту мышь, из той на землю падает соломина и становится человеком. Необходимо сказать, что вера в реинкарнацию и цикличность жизни является одной из отличительных черт юкагирской традиционной культуры. Повествование же «раскрывает один из возможных путей возвращения тени умершего человека для нового рождения» (Фольклор юкагигов..., 1989, с. 137). По мнению Л. Н. Жуковой (2012, с. 213), в мифе посредством животных эквивалентов кодируется пребывание возвращающейся души в трех космических стихиях – Земли, Воды и Воздуха. Таким образом, в мифологических воззрениях юкагигов указывается, что рыба, как представитель водного мира, соотносимого с границей между мирами, потусторонним, имела отношение к теме рождения.

Возможно, к тотемистическим различиям отсылает рассказ о двух мальчиках, одного из которых с детства кормили мясом, другого – щукой. Когда они выросли, сильнее из них оказался тот, кто питался рыбой: «Говорят, кто щуку ест, тот быстрый, легкий, изворотливый. Кто мясо ест, тот тяжелый» (Прокопьева, 2009а, с. 119-120). Нужно сказать, что мотивы противостояния и соперничества животных, имеющие, может быть, тотемистическую основу, широко распространены в юкагирском фольклоре: это раскрашивание птиц друг друга (Фольклор юкагигов..., 1989, текст № 5; Прокопьева, 2009а, с. 119), война между рыбами (Фольклор юкагигов..., 1989, текст № 10), между птицами и рыбами (Фольклор юкагигов..., 1989, текст № 6; Жукова, Прокопьева, 1991, текст № 5), соревнования на выявление лучших певцов, танцоров, силачей (Фольклор юкагигов..., 1989, текст № 5).

С мифологическим контекстом, включающим представления о рыбах, сопряжено повествование о трагедии с семьей, приютившей на ночь путников с условием поведасть им какую-нибудь сказку (Прокопьева, 2009а, с. 110-112). Один из гостей, предупредив хозяев, чтобы те не заснули во время рассказа, начинает сказывать им про Окуня-человека, хорошего сказочника, певца, способного к различным перевоплощениям. Рассказ был долгим, и хозяева, кроме их дочери, и спутники гостя заснули. Сказитель продолжал рассказывать, и вдруг невеста откуда взявшаяся вода стала затоплять дом вместе с его обитателями, превращаясь в озеро, полное окуней. В итоге спаслась только дочь хозяев. Трагическое превращение во время сказа о всемогущем Окуне стало возможным из-за нарушения условия при рассказывании, что вызвало к жизни магию мифического времени и навлекло суровую кару на провинившихся.

В бытовых рассказах лесных юкагигов, связанных с рыбами, описываются случаи, которые отличаются своей необычностью, подчас мистичностью. Один из них – о происшествии на рыбалке, когда одному старику в сети поймалась огромная полутораметровая щука. Она схватила рыбака за руку, поэтому он остался без руки (ПМА. Записано в 2007 г. от Н. Н. Лихачева, 1916 г.р., в с. Нелемное). О существовании рыб громадных размеров рассказывает и фольклор тундровых, нижнеколымских юкагигов, например, гигантская щука проглотила оленя и собаку, бросившуюся в воду вслед за ним. Когда щуку удалось приманить и убить, ее с помощью «многих» оленей смогли вытащить на землю только наполовину (Фольклор юкагигов, 2005, текст № 59).

В быличках странное поведение рыбы интерпретируется в свете представлений о способности животных, ведущих себя по-особенному, предсказывать будущее: например, рыба из сети, поющая по-птичьи, стала предвестником удачи (ПМА. Записано в 2000 г. от А. В. Слепцовой, 1930 г.р., в с. Нелемное). В этой быличке наблюдаем акцентуацию на невозможности произведения рыбой звуков, и последовавшее везение объясняется тем, что случилось исключительное.

В сказочном фольклоре лесных юкагигов «рыбные» сюжеты в основном представляют собой этиологические истории, объясняющие происхождение их отличительных свойств. Эти повествования правильно характеризовать как мифологические сказки, занимающие промежуточное положение между несказочным и сказочным жанрами. Носители фольклора, наши информанты, определяли их и как рассказы (по народной терминологии – *ныэдвил* ‘рассказ’), и как сказки (*чуульдьви* ‘сказка’), некоторые говорили о них как о «рассказах, ставших сказками», подчеркивая тем самым их бывший мифологический и текущий пограничный статус. Тексты и при утрате ими установки на подлинность продолжают сохранять признаки несказочной прозы. Так, они могут иметь зачин, относящий рассказываемое к достоверному фольклорному времени «древних людей» («Давно, во времена древних людей Налим в верховьях реки жил»); ссылку на предыдущего рассказчика как реальный, а значит, надежный источник информации («Это дедушка рассказывал. Рыбы и птицы враждовать начали между собой»); сопоставление настоящего состояния с предыдущим как результат действительных событий: «Хорошим стал налим. Два камня внутри его головы есть, от того, что это давит, далеко не ходит. Теперь налима никто не бросает, промышляют» (Прокопьева, 2018, с. 167-169).

В этиологических сказках рыбы, как и другие животные, ведут жизнь, аналогичную человеческой: они живут общинами, в организации которых выделяются предводители и шаманы. Приобретение рыбами каких-либо особенностей происходит по таким причинам, как 1) конфликт, 2) вознаграждение, 3) устройство Бога. При этом повествования в целом затрагивают насущные проблемы, волнующие родовое сообщество, например необходимость сплоченности и взаимовыручки, отсюда в сказках осуждение поступков и качеств, мешающих нормальному сосуществованию в коллективе.

Источником конфликта может послужить зависть. Глухарь позавидовал Каталке (местное название рыбы чукучан) и Щуке, так как те живут в воде («Как хорошо этим рыбам! Они всегда в воде ходят. Я никогда воду не вижу») (Фольклор юкагигов..., 1989, текст № 6), и взялся за лук и стрелы. В ответ Каталка и Щука тоже стали стрелять, что в итоге привело к появлению у животных своеобразных признаков: у Глухаря и Щуки – это белые точки в окрасе, у Каталки – большое количество костей в хвостовой части.

В другой версии этой мифологической сказки враждуют рыбы и птицы (Жукова, Прокопьева, 1991, текст № 4). Следы от стрел объясняются костистость в отдельных местах у рыб – каталки, караса и чебака – и птиц – глухаря, рябчика, куропатки.

В еще одном повествовании (Фольклор юкагигов..., 1989, текст № 10) стреляют друг в друга Каталка и Щука – последней понравилось место жительства соперницы. У Каталки закончились стрелы, и она спряталась в плавнике. В торчащий оттуда хвост Каталки выстрелила Щука, поэтому у той множество костей именно в этой части. В мясе же Щуки остались стрелы Каталки, поэтому эта рыба очень костлявая.

В результате конфликтной ситуации изменилась первоначальная внешность Налима (Жукова, Прокопьева, 1991, текст № 5). Раньше он был красивее Нельмы и обижал, хвастаясь, других рыб. Рыбы позвали Лося, чтобы проучить Налима, и тот наступил ему на голову, приплюснув ее. Теперь Налим, обиженный, лежит в тени и ловит мальков.

По другой мифосказке, Лось наступил на Налима по просьбе рыб, чьих детей он съел, сплюснул так ему голову и оставил в ней два речных камушка. Из-за этих камушков Налим переворачивался, не мог добыть себе пропитание и похудел. Рыбий царь откликнулся на его мольбу, так как Налим оказался на грани смерти, распорядившись дать ему печень и икру нельмы. Сейчас два камушка в голове рыбы придавливают его и потому не позволяют ему плавать на большие расстояния (Прокопьева, 2018, с. 273-275).

Причиной изменения облика и образа жизни обитателей водоемов в сказке может стать награда за благое для рода дело (Прокопьева, 2018, с. 275-276). Окунь проделал трудный путь к Морскому царю ради спасения сородичей, которым грозила гибель из-за обмеления родного озера, попросил у него воды, за что был награжден лучшей одеждой и возможностью жить и в реке, и в озере, и в море.

Рыбы приобредают те или иные особенности также по устройству Бога. Заметим, в фольклоре лесных юкагигов немало мифологических сказок, рассказывающих о создании и обустройстве Земли Богом (в отдельных текстах выражено влияние библейских мотивов), есть в них и упоминания о водном мире. Так, Ной, спасавший животных, стал хозяином тех из них, «которые по воде ходят», Христос, названный отцом хозяев Земли – воды, деревьев, растений и других, вместе со своими помощниками вырастил для водных животных траву, растущую в воде (Фольклор юкагигов..., 1989, текст № 9). Что касается непосредственно текстов о рыбах, то повествуется, что Налим выпросил у Бога печеньку, молоко, икру, как у других рыб, по наказу Бога рыбы теперь рождают один раз в год (ПМА. Записано в 2001 г. от М. М. Лихачева, 1923 г.р., в с. Нелемное).

История о Лисе и перехитрившем ее в состязаниях в беге Налиме, несмотря на концовку, которую в определенной степени можно считать этиологической, является больше сказкой о животных. Лиса посмеялась над Налимом, назвав его лентяем с большой головой, тот предложил ей побегать наперегонки. Лиса бежала напрямик и периодически окликала соперника, который мог плыть только по всем изгибам реки, тот всякий раз отзывался. Проигравшая Лиса потом узнала, что ее настоящий конкурент все это время спал, а окликались другие налимы, которых она будила своим окриком. С тех пор, рассказывает сказка, Лиса и Налим стали врагами, и Лиса при удобном случае поедает не только его, но и его сородичей – рыб (Спиридонов, 1996, с. 49).

В сказках с этиологическим финалом сохранились детали, раскрывающие мифологические представления лесных юкагигов о рыбах. Так, водная живность имеет своих правителей: фигурируют Рыбий царь, Озерный и Морской цари. По В. И. Иохельсону (2005b, с. 212), юкагиры верили, что каждое конкретное место на земле имеет своих хозяев, которые подчинены Хозяинам Земли, Пресных Вод или Моря. У каждого водного бассейна с пресной водой – озера, реки и т.д. – есть свой хозяин, Хозяину Моря (Океана) подвластны хозяева отдельных заливов, проливов и т.д.

В сказке о Щуке и Каталке их драку прекращает Окунь – «начальник для рыб» (Фольклор юкагиров..., 1989, текст № 10). Он говорит, что Каталка пожалуется человеку и тот поставит заездок, в котором умрут все рыбы. В этом же повествовании подчеркивается, что Каталка является рыбьим шаманом. Таким образом, в мифологических сказках конкретные рыбы наделены определенным социальным статусом.

Помимо шаманских умений, для образа Каталки отмечены певческие способности. Увертываясь от стрел Глухаря, Каталка мечется по реке в попытке убежать (очевидно, река перегорожена рыболовной снастью) и поет: «Река поперек закрыта! Река поперек закрыта!» (Фольклор юкагиров..., 1989, текст № 6). В этом варианте текста также повторяется мысль о перегорождении реки человеком. Интересно, что схожие с песней Каталки слова встречаются в варианте припева народного хороводного танца лесных юкагиров «Лондол»: *Унун шайдэ чэрэмульэл*. / 'Река поперек обмелела' (ПМА. Записано в 2001 г. от А. В. Слепцовой, 1930 г.р., в с. Нелемное). Смысловое значение этого выражения в танце не выяснено.

Певческим талантом обладает и посланник рыб – Окунь. Об этом говорится в повествовании об Окуне-человеке, где звучит и сама песня рыбы, в которой она поет о своем умении превращаться в другие предметы, и в сказке о смелом Окуне, отправившемся к Морскому царю и рассказавшем ему в песенной форме о постигшей жителей озера беде. В первой истории песенный дар Окуня неразрывно связан с его сверхъестественными возможностями и личная песня рыбы сама является средством магического воздействия; вторая сказка, с одной стороны, вероятно, отражает песенный тип рассказывания, в существовании которого удостоверяет несказочная и сказочная проза юкагиров, с другой – продолжает фольклорную традицию об образе Окуня как талантливым певце. Надо отметить, что В. Г. Шалугин, 1934 г.р., от которого была записана сказка об Окуне и Морском царе, говорил, что есть выражение: *Адуөн кисьылгэт Окулляа йахтэк пундук*. / 'С этого конца песню Окуня расскажи', которое намекает на искусство песнопения Окуня в фольклоре и предназначается болтливому человеку, «говорящему одно и то же» (ПМА. Записано в 2001 г. в с. Нелемное).

В связи с последней поговоркой, где человек сравнивается с фольклорным героем, нужно сказать, что в других записанных нами кратких высказываниях присутствует сопоставление с рыбами лишь по внешнему признаку. Так, красивый, стройный человек соотносится с рыбой-коньком – *Омосьэ адилэк, омон чичкаадиз титэмизэй*. / 'Красивый юноша, просто как рыба- конек'; человек с маленьким ртом сравнивается с каталкой – *Момушаа анга титэмизэй*. / 'Словно рот каталки' (ПМА. Записано в 2001 г. от А. В. Слепцовой, 1930 г.р., в с. Нелемное). В целом сравнение человека с животными на основе фольклорных сюжетов и внешнего сходства характерно для юкагирской традиции. Так, убежавшего из дому человека уподобляют неблагодарному Зайчику из популярной сказки – *Чолъораадиз титэ шэйрэсь*. / 'Как Зайчик, убежал'; про человека в хорошем настроении могут сказать: *Омон йумусьумэ титэ модой*. / 'Словно лебедь сидит'; крикливую женщину сравнивают с гагарой: *Адинг паай хабиэл титэмизэдьэ*. / 'Гагаре подобная женщина' (ПМА. Записано в 2001 г. от А. В. Слепцовой, 1930 г.р., в с. Нелемное).

В музыкальном фольклоре лесных юкагиров рыбы упоминаются в песнях, посвященных родной земле, так отмечается своеобразие конкретных мест, дорогих сердцу:

...*Чаманишьэл мэт унунгиз,*
Ойньэй, ойньэй Нунгэдэниэ
Ингул ойньэй мэт унунгиз, мэт унунгиз. /
 '...С нельмами моя речушка,
 С течением, с течением Рассоха,
 Со страшным течением моя речушка, моя речушка';
 ...*Чөгул, чөгул оожиньэсьшил*
Чахадаан эмэйльиэ,
Чомоол, чомоол чаманишьэл
Чахадаан эпизльиэ. /
 '...Со вкусной водичкой
 Ясачная-матушка,
 С громадными нельмами
 Ясачная-бабушка'
 (ПМА. Записано в 2000 и 2001 гг. от А. В. Слепцовой, 1930 г.р., в с. Нелемное).

Таким образом, данные языка, этнографии и фольклора лесных юкагиров, издревле занимающихся рыболовством, свидетельствуют о том, что рыбы являлись важной частью их традиционного мировоззрения. Наиболее ярко это выразилось в названиях родовых групп, лексике, отражающей специфику рыбного промысла, в наличии «рыбных» сюжетов в фольклоре и их мифологической составляющей.

Заключение

Этнографические и языковые материалы по лесным юкагирам подтверждают, что рыболовство занимало значимое место в их жизнедеятельности. Особое отношение к рыбам выразилось в названиях родовых групп, в обрядовых действиях, в частности осенних праздниках, связанных с рыбной ловлей, и похоронном обряде, в экологических традициях юкагиров.

Анализ мифологических повествований показал, что представления о рыбах у юкагиров были сопряжены с темой рождения и жизненным потенциалом.

Бытовые рассказы и былички отражают жизнь рыбаков и рассказывают о необычных случаях на промысле. Мифологические сказки юкагигов содержательно относятся к эпохе становления мира и включают этиологический финал, рассказывая о приобретении рыбами отличительных черт. Изменение внешности и образа жизни рыб в сказках происходит в результате конфликтной ситуации, награждения за доброе дело, устроительства Бога.

Содержание этиологических сказок, генетически связанных с мифом, дополняет знания о мифологической картине мира лесных юкагигов, обнаруживая воззрения на отдельных рыб как наделенных определенным статусом и умениями.

В текстах с участием рыб прослеживаются сюжеты как присущие фольклору других народов Севера, к примеру, сюжет о войне между рыбами и птицами известен у долган и якутов (Фольклор юкагигов, 2005, с. 486), так и самобытные, зафиксированные только у юкагигов, например повествование об Окуне, отправившемся за помощью к Морскому царю.

Краткие высказывания, сопоставимые с поговорками, сравнивают людей с рыбами на основе фольклорных сюжетов или внешнего признака.

В песнях, посвященных родному краю, рыбы становятся главной приметой конкретных мест, символом природного богатства.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем изучении традиционных представлений юкагигов о животных с последующей систематизацией научного материала для восстановления этого интереснейшего фрагмента картины мира юкагирского народа.

Источники | References

1. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
2. Жукова Л. Н. Очерки по юкагирской культуре: в 3-х ч. Новосибирск: Наука, 2012. Ч. 2. Мифологическая модель мира.
3. Жукова Л. Н. Религия юкагигов. Языческий пантеон. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1996.
4. Жукова Л. Н., Прокопьева П. Е. Фольклорные тексты юкагигов Верхней Колымы // Язык - миф - культура народов Сибири: сб. науч. тр. Якутск, 1991. Вып. II.
5. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а.
6. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005b.
7. Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979.
8. Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009а.
9. Прокопьева П. Е. Птицы в традиционных представлениях лесных юкагигов // Гуманитарные науки в Сибири. 2009b. № 4.
10. Прокопьева П. Е. Устная несказочная традиция юкагигов. Новосибирск: Наука; Изд-во СО РАН, 2018.
11. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.
12. Соколова З. П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972.
13. Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996.
14. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.
15. Фольклор юкагигов / сост. Г. Н. Курилов. М. - Новосибирск: Наука, 2005.
16. Фольклор юкагигов Верхней Колымы: в 2-х ч. / сост. Л. Н. Жукова, И. А. Николаева, Л. Н. Демина. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1989. Ч. 1.
17. Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.

Информация об авторах | Author information

Прокопьева Прасковья Егоровна¹, к. пед. н.

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

Prokopeva Praskovya Egorovna¹, PhD

¹ Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk

¹ pproe@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.10.2022; опубликовано (published): 30.11.2022.

Ключевые слова (keywords): лесные юкагиры; традиционное мировоззрение юкагигов; юкагирский фольклор; образы рыб; Forest Yukaghir; traditional worldview of the Yukaghir; Yukaghir folklore; images of fish.